УДК 340.15 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-2-45-50

ПРИНЦИП СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ВИЗАНТИЙСКОМ ПРАВЕ

Нефедовский Геннадий Викторович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54)
E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения между светской и духовной властью в Византии через призму философско-правовых идей законодательства Константина Великого, Юстиниана и др. Указывается, что в процессе формирования византийской модели государственно-конфессиональных отношений на разных этапах симфония властей отражалась и на содержании правовых норм, институтов и отраслей. При этом, христианские ценности содержались не только в нормах церковного права – новой отрасли римского права, но и в самом светском законодательстве Восточной Римской империи.

Ключевые слова: *симфония властей; государственно-конфессиональные отношения; правовые идеалы; византийское право; христианство; правосудие.*

Принцип симфонии государственной и церковной власти получил свое закрепление в Дигестах Юстиниана несколько позже, чем он фактически стал действовать. Впервые его действие обнаружило себя в правотворческих инициативах императора Константина Великого, который еще в первой половине IV столетия начал преобразование классических стандартов государства и права Древнего Рима под влиянием новой государственной религии Рима – христианства. Не только практическая политика и новое понимание императорской власти стали испытывать влияние нового мировоззрения. Модернизация коснулась и одного из самых величественных достижений и институтов римской культуры – римского права.

Римское право, как известно, сформировавшее современные правовые системы, Русь узнала с принятием христианства, после Крещения Руси, получив его образцы напрямую из Священной Римской империи (Византии). Западные государства познакомились с византийским правом несколько позже, так как Западная Священная Римская империя после VIII века развивала, преимущественно, свое право. Тем не менее, "Кодекс Юстиниана", "Пандекты " и "Институции " были рецепиированы на Западе и легли в основу германского, французского и английского права. А "Кодекс Феодосия", "Эклога", "Василики", "Прохирон", "Эпонагога", "Номоканоны" не получили большую известность на Западе. Между тем, византийское право обладает уникальным содержанием: его нормы демонстрируют единство и не разделимость нравственных и юридических ценностей. Формальные, внешние характеристики византийского права были не сильно отличимы от римского права, однако внутреннее содержание, идеи и ценности были уже иными. А. М. Величко отмечает: "Византийская традиция тщательно оберегала структуру и систему права, основные понятия и институты, юридическую технику и саму логику правовых построений, но начала вкладывать в них качественно иной смысл. И в этом отношении византийское право перестало быть римским правом» [1, с. 67].

В римском праве классического образца не было ярко выраженных идейно-философских начал, предполагает А. М. Величко, отмечая, что право Древнего мира не имело никакой глубинной внутренней идеи. Однако мы не можем согласиться с точкой зрения, будто древние римляне ничего не внесли в философию права. Основной идеей древних римлян в сфере права действительно было отражение владычества над собственностью, ее разграничение, защита, порядок отторжения, но в римском праве мы встречаем очень важные указания римских юристов на естественное право, справедливость и правосудие: Ius est ars boni et aequi ("Право – искусство добра и справедливости").

Римляне были прагматиками и материалистами, так как языческое мировоззрение не может направлять к иным ориентирам. По меткому выражению А. М. Величко: "Одна мысль всегда занимала римлян – "единое государство, единый закон, единая религия» [1, с. 68]. Главной задачей такого права – было сохранение нажитого, сбережение имущества, его защита и сделки с ним. При этом римляне относились к закону, праву, правосудию с особым трепетом, глубочайшем чувством уважения и восхищения. Гражданином Рима мог быть только человек, наделенный правом по закону, а выше его положения просто не существовало. Право для римлян, по выражению Иеринга,"было предметом нравственного возношения" [2, с. 291].

Человек в римском праве имел значение только в одном случае – обладания правовым статусом римского гражданина. "Нет государства – нет личности" – вот идея античного правопонимания. Величие римлян было связано с желанием владычества, обладания всевластия. Его целью была трансляция власти, экспансия могущества. Морально-нравственная грань права была минимизирована ,так как у каждого народа, входившего в состав империи были свои моральные ценности [3, с. 15].

Римляне отличались от восточных народов, у которых созерцание и философия всегда были в почете. В Греции трудами Сократа, Платона, Аристотеля были положены школы мудрецов , искавших идею права и государства, в Израиле Пятикнижие Моисея являло собой цельно религиозно-нравственное мировоззрение. В Риме до христианства не существовало мощной философской традиции. Хотя право мыслилось с позиции вечных истин: тому свидетельством могут считаться многочисленные сентенции римских юристов.

Христианство полностью изменило облик римского государства и права. Этому способствовало то обстоятельство, что христиане в период до Миланского Эдикта 313 года не проявляет никакой враждебности в отношении к Римской империи [4, с. 15 – 19].

Римское право включило в себя христианские ценности, этику, мировоззрение, приоритеты, поэтому его форма, оставаясь почти не измененной, получила новое содержание. Если раньше девизом был: «одно государство, одна религия, один закон», то теперь после 313 года: "один Бог, одна Вера, одно Крещение".

Всемирная власть Рима получила нравственно-религиозное, миссионерское оправдание. Историк IV в. Евсевий Памфил подчеркивает объединяющую роль царской власти, опирающейся на христианские ценности: "Все древние на земле народы жили раздельно, и весь род человеческий делился на епархии, народоначалия, местоначалия, тирании и многоначалия, от этого противоборства и войны не прерывались, без опустошения полей и порабощения городов не обходилось. Но после того как спасительный организм, – само пресвятое Тело Христово, с того времени, как всем начали проповедовать единого Бога, для всех расцвело и одно Римское царство, и от века неумолимая и непримиримая вражда между людьми мгновенно угасла" [5, с. 260]. Евсевий Памфил обращает внимание императора на положительное влияние

монотеизма, единобожия на единство и цельность царства, так как, многобожие разобщало народы империи, разделяло их.

Он полагает, что с принятием христианства людям открылись две грани, аспекта добра. До Христа люди жили в войнах, с пришествием Христа все изменилось: появилась как чудо единая Кафолическая (всеобщая) Церковь и Вселенская империя, Римское царство. В результате знакомая с древних времен система римского права получала Божественное благословение. Это же благословение распространилось и на Римское государство, которое с момента признания христианства государственной религией стало беспокоиться не только о безопасности и стабильности власти, но и о спасении подданных. Не случайно уже первые императоры христианской империи столкнулись с необходимостью борьбы с ересями и сектами, угрожавшими православному пониманию истин веры. Император вместе с его законодательством стал неожиданно защитником истинной веры, «удерживающим»: «Тайна беззакония уже в действии, только не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий» (2 Фес.7). Таким образом, римское право также должно обеспечивать торжество христианства на земле. Для этого в его нормах должны звучать ценности христианского нравственного идеала и должны быть законодательно защищены основные истины христианской веры. И хотя Церковь существовала и без государственной поддержки, тем не менее, государство без христианского идеала власти и закона превращается в хищника. Право, основанное на нравственных ценностях, получает особую силу, важную для государства нравственную легитимность, а церковные догмы юридическую защиту. Не случайно все оросы Вселенских Соборов и постановления других Соборов о вере издавались в форме императорских законов.

Право получило в этот период свою идею, смысл и цель. Теперь его задачей было установление Божественной справедливости во всей Римской империи, которая должна была объединить в единую Церковь все народы земли. Право и закон стали восприниматься как органическая часть Божественного мироустройства, орудие Божие, средство установления Божественной справедливости и порядка. Высшее предназначение права видится в исполнении Божественного промысла о человеке и человечестве в домостроительстве Вселенской Церкви Христа.

Закрепленные в праве христианские ценности полностью изменили отношение к правовому статусу личности. Так как каждый человек после смертной жертвы Христа искуплен ценой крови сына Божьего, то жизнь каждого получает новый смысл и ценность, а человек любой является для Бога сыном. Права и обязанности каждого человека признаются как элемент его свободного статуса и абсолютного достоинства.

Не случайно уже в правление императора Константина получает свое развитие вопрос о рабовладении. В рабе начинают видеть личность, обладающую не только одними обязанностями, но и правами. Медленно, но уверенно происходит изменение отношения к рабу, который ранее воспринимался как вещь.

В IV в. философ Фемистий указал на мысль о том, что право послано Богом на землю для того, чтобы воспитать людей в благочестии. Эту мысль развил и конкретизировал в своих Дигестах император Юстиниан: «Императорское величество должно быть украшено не только трофеями, но должно быть вооружено законами для того, чтобы государство могло быть управляемо и в военное время и мирное надлежащим образом» [6, с. 4].

Законодательный памятник VIII века «Эклога» содержит такое указание на нравственный фундамент власти и права. «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем воздержаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной по ис-

тинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного человека и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству» [7, с. 49 – 50].

Именно благодаря такому нравственному насыщению византийское право приобретает черты, позволяющие считать его уникальным явлением в истории государства и права: «Византийское право являлось одной из наиболее ярких сторон византийской культуры, и по силе воздействия на культуру других народов средневекового мира оно может идти в сравнение только с византийским искусством и архитектурой» [8, с. 3].

Византия не прекратила в связи с принятием христианства свое существование в качестве правового государства. Более того, она создала правовую цивилизацию, где общественные отношения и связи построены на законах и судебных процедурах, сделки требовали заключать при свидетелях, а с нотариальным удостоверением рассматривались любые значимые документы, такие как завещание, брачный договор, сделки по отчуждению имущества. Византийцы часто обращались в суды с исками и жалобами, где судьи опирались в принятии решений на позитивное право и обычаи. Основным принципом такой цивилизации был принцип «воздавать каждому принадлежавшее ему право» [9, с. 27 – 51].

В Константинополе политические и правовые идеи часто высказывались не только философами, но и священниками, диаконами. Так, например, один из диаконов храма Святой Агапит, обращаясь к государю, говорит ему о том, что власть ему вручил Бог не для привилегий, а чтобы царь научил людей хранить правду и сдерживал желающих хулить имя Бога, сам повиновался законам Божьими подданных наставлял в них, правосудие творил и управлял по Божьим законам подданными» [10, с. 38 – 39].

Основной задачей царя Агапит признает «чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия» [10, с. 39]. По своей сущности царь равен другим людям, обычный человек, но своей властью подобен Богу, не имея на земле никого выше себя. Однако из этого высокого статуса вовсе не следует, что царь является лицом, которому много позволено. Напротив, царь связан «земным прахом» и «это поучает его соблюдать в отношении всех равенство». При этом он должен как Бог не гневаться и не должен возноситься над другими. Его забота о подданных приравнивается Агапитом к заботе о собственном теле, не допуская никакого зла. Задача царской власти заключается еще и в том, чтобы обеспечивалось общее благо с любовью ко своему народу [11, с. 169].

Особую роль в формировании доктрины византийского права играют сочинения и нормы Юстиниана Великого, который писал о необходимости возносить благодарность Богу за законы, которые дают народу великие преимущества: жить спокойно в своем Отечестве, быть уверенным в завтрашнем дне, пользоваться своим имуществом, иметь справедливых наставников. Юстиниан видел в праве и законе механизм управления государственным аппаратом, а не только средство регулирования общественных отношений внутри государства. Великий правитель относился к своей деятельности как к служению: «Ибо мы с той целью издали настоящее распоряжение, чтобы почерпая силу в праведном законе, войти в тесное общение с Господом Богом и препоручить Ему наше царство, и чтобы нам не казаться невнимательным к людям, которых Господь подчинил нам на тот конец, дабы мы всемирно берегли их, подражая Его благости. Да будет же исполнен долг наш перед Богом, ибо

мы не преминули исполнить по отношению к нашим подданным все доброе, что только приходило на ум» [12, с. 531 – 532].

Он искренне полагал, что его власть дана ему для того, чтобы вверенные «нам от Господа Бога люди жили достойно, и чтобы они нашли у Него благоволение, ибо человеколюбие Божье хочет не погибели, а обращения и спасения людей» [11, с. 136 – 137].

В функции царской власти входили и задачи разрешения конфликтов между законами и справедливостью. Царь следил, чтобы законы принимались без нарушения принципов Божественной справедливости. Кроме того, применение даже справедливого закона должно было быть рассмотрено в том случае, если его формальное применение приводило к несправедливости. Один из византийских мыслителей Фемистий считал, что царь стоит выше закона и пользуется таким своим положением исключительно для смягчения строгости его в тех ситуациях, когда механическое его применение ведет к несправедливости [11, с. 90].

Император считался «живым законом», «одушевленным законом» (Юстиниан Великий). Результаты императорского толкования закона предлагалось считать одной из форм законодательства. При этом аргумент был такой: «тот вправе толковать закон, кто вправе его устанавливать».

Царь полагал, что император оперативно разрешает все конфликты, возникающие между новыми ситуациями и старыми законами: «Император может все новые явления и исправлять, и упорядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам» [13, с. 66 – 67].

Тому же Юстиниану Великому принадлежат и такие слова: «Бог установил царскую власть, чтобы она уравновешивала несогласия добром» (Новелла 73). В дальнейшем эта мысль нашла развитие и в Эклоге: «Мы стремимся служить Богу, вручившему нам скипетр царства. С этим оружием мы печемся о порученном Его властью нашей кротости христоименном стаде, чтобы оно росло в добре и преуспевало. Этим мы стремимся восстановить древнее правосудие в стране» [7, с. 52]. Не случайно многие императоры рассматривали дела в качестве судей, обеспечивая, тем самым, реализацию справедливого правосудия.

Литература

1. *Величко А. М.* Священная империя и святой император. М., 2012.
2. *Иеринг Рудольф Фон.* Дух римского права. Избранные труды в 2-х т. СПб., 2006. Т. 2.
3. *Величко А. М.* Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1.
4. *Овчинников А. И.* Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58).
5. *Памфил Евсевий.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.
6. *Загурский Л. Н.* Элементарный учебник римского права. Общая часть. Вып. 1. Харьков, 1897.
7. *Эклога.* Византийский законодательный свод VIII века. Византийского книга эпарха. Рязань, 2006.
8. *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV – VIII вв. Л., 1976.
9. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power //Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelth Centuries. Washington, 1994.
10. Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3-х т. Т.2. СПб., 2003.
11. *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
12. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. В 5 т.Т.1. М., 2001.

13. *Сильвестрова Е. В*. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. М., 2007.

Nefedovskiy Gennady Victorovich, graduate student, South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru.

THE PRINCIPLE OF THE SYMPHONY OF THE AUTHORITIES AND ITS REFLECTION IN BYZANTINE LAW

Abstract

The article examines the relationship between secular and spiritual power in Byzantium through the prism of the philosophical and legal ideological laws of Constantine the Great, Justinian, etc. It is pointed out that in the process of forming the Byzantine model of state-confessional relations at different stages, the symphony of power was also reflected in its basis norms, institutions And industries. At the same time, Christian values were contained not only in the norms of church law – a new branch of Roman law, but also in the most secular legislation of the Eastern Roman Empire.

Key words: *symphony of power; state-confessional relations; legal ideals; Byzantine law; Christianity; justice.*

УДК 808.5 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-2-50-56

ПСИХОЛОГО-РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УБЕЖДАЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Павлова Людмила Григорьевна кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: lyudyurpav@gmail.com

Кашаева Елена Юрьевна кандидат филологических наук, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., 93). E-mail: kashaevaeu@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с убеждающей коммуникацией в юридической практике. Приводится пример оптимальной модели убеждающей коммуникации. Подчеркивается значимость психолого-риторических технологий в процессе убеждающего воздействия как важных факторов повышения его эффективности. Особое внимание уделяется роли невербальных средств общения.

Ключевые слова*: убеждающая коммуникация; доказательность; убедительность; коммуникатор; мимика; жесты; голос; темп речи.*

Профессиональная деятельность юриста относится к системе «человек – человек», так как самым тесным образом связана с людьми, реализуется в процессе межличностных коммуникаций. В зависимости от рода юридической практики специа-